К вопросу о собирательстве как хозяйственном элементе у кумандинцев предгорного Алтая в конце XIX - начале XX вв.

Байжуманова Н.К.

Бийский государственный педагогический университет им. В.М. Шукшина

Дореволюционный Алтай являлся отсталой сельскохозяйственной окраиной царской России. Все земли, леса, воды и недра согласно «высочайшего повеления» составляли «частную собственность государя-императора» и находились под управлением «Кабинета Его Величества».[1]

Коренное население - алтайцы - «не представляло собой единой народности в строгом смысле этого слова», а делилось на обособленные родоплеменные группы: алтай-кижи, теленгиты, телеуты, тубалары, кумандинцы и челканцы. «Между этими группами существовало различие, и иногда довольно глубокое, как по языку, так и по культуре».[2]

Алтай входил в состав Бийского уезда Томской губернии. По административному устройству алтайцы распределялись между волостями Комляжской, Южской, Кергежской, Кузенской, Нижне-Кумандинской, Верхне-Кумандинской и 7 дючинами. Кроме того, имелись две Чуйских волости, которые по характеру расселения примыкали к дючинам.

В основе образования волостей лежал территориальный принцип. Что же касается дючин, то они не имели определенной территории, а объединяли алтайцев, принадлежащих к тому или иному роду (сеоку), независимо от их места проживания. Так что, например, в одном урочище могли проживать

---

[1] ЦХАФ АК, ф.29, оп.1, д.991, л.7.

[2] Тадыев П.Е. Этнический состав дореволюционных алтайцев и особенности их административного устройства. // «Записки Горно-алтайского НИИ». Вып.6-й, Горно-Алтайск, 1964, с.5.

алтайцы, принадлежавшие к различным дючинам. Всего на Алтае, по подсчетам П. Е. Тадыева, насчитывалось 200 родов.[3]

Во главе волостей стояли родоплеменные старосты по русскому образцу, а дючинами управляли зайсаны - родоплеменные князьки. Их помощниками были демичи, а также более мелкие администраторы - шуленги. Должности зайсанов, родоплеменных старост и демичей считались выборными, но фактически они назначались царскими чиновниками и подлежали утверждению администрацией Томской губернии.[4]

Обычно зайсанами и родовыми старостами становились наиболее влиятельные и богатые баи, готовые выполнить любое распоряжение царской администрации. Официально зайсаны и родовые старосты подчинялись бийскому исправнику, но фактически всеми делами ведал помощник исправника, так называемый отдельный алтайский заседатель, осуществлявший управление с помощью русских писарей.[5]

Раскладкой и сбором налогов ведали зайсаны и родовые старосты. Сами же зайсаны и их помощники, как представители администрации, от налогов освобождались. Они же вершили суд и расправу. Вместе с тем коренное население на общих основаниях подчинялось крестьянским начальникам, а их судебные дела были подведомственны мировым судьям.

Такой порядок управления существовал вплоть до административной реформы и землеустройства, проведенного в 1911-1913 гг., когда алтайские дючины были преобразованы в волости, образованные по территориальному признаку, а зайсанат заменен копией русского волостного управления.

После революции 1905-1907 гг. царское правительство, пытаясь смягчить аграрный кризис в центральных губерниях России и сохранить помещичье землевладение, вступило на путь форсирования переселения

---

[3] Тадыев П.Е. Этнический состав дореволюционных алтайцев и особенности их административного устройства. // «Записки Горно-алтайского НИИ». Вып.6-й, Горно-Алтайск, 1964, с. 7.
[4] ЦХАФ АК, ф.29, оп.1, д.991, л.7.
[5] Потапов Л.П. Народы Южной Сибири. Новосибирск, 1953, с.122.

крестьян на «новые земли». В 1908 году переселенческое управление, предприняв обследование Горного Алтая, пришло к выводу, что поземельное устройство «всех инородцев возможно на общих основаниях».[6] Споры шли лишь о том, «кому и как устраивать инородцев». Суть споров с циничной откровенностью раскрыл управляющий Кабинетом. В специальной записке он доказывал, что переселенческое управление неизбежно использует всю территорию Горного Алтая в качестве переселенческого фонда. Между тем в руках своего ведомства (то есть Кабинета — *Н. Б.*) та же территория, помимо надельных земель, могла бы дать для хозяйства округа ценные лесные дачи, огромную площадь оброчных статей при наличности готовых арендаторов...».[7]

В конечном счете, был принят проект начальника Алтайского округа Михайлова, в котором развивалась программа кулацкой, буржуазной эксплуатации края.[8]

Административная реформа устройства нанесла чувствительный удар по феодальным прерогативам зайсанов и баев. Однако положение мало в чем изменилось. Зайсаны и баи, широко применяя подкуп царских землемеров, под видом «пустошей» удержали в своих руках лучшие земли. Кроме того, используя различные формы принуждения, они сосредотачивали в своих руках и душевые наделы разорявшихся соплеменников. Факты подобного рода отмечали даже чиновники, проводившие землеустройство.

Например, при подготовке землеустройства по ур. Кырлык крупнейшие баи Манжи Кульджин, Сапок Баинкин, Саданчик и Шибереков выделили сыновей и потребовали наделить их землей по другим урочищам. «Эта мера, - пояснял чиновник, - даст возможность почти не сокращать число своего стада названном лицам, а задолженность им инородческой массы не вызовет, с ее стороны протеста».[9]

---

[6] ЦХАФ АК, ф.29, оп.1, д.981, л.101.
[7] ЦХАФ АК, ф.29, оп.1, д.981, л.102.
[8] Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1953, с.360-367.
[9] Демидов В.А. Переход алтайцев на оседлость. Барнаул, 1986, с.8.

Аграрная и налоговая политики царизма усиливали национально-колониальный гнет, массовое разорение и обнищание кумандинцев. Нелишне отметить, что даже миссионеры Алтайской духовной миссии, преданно служившие царскому самодержавию, признавали грабительский характер землеустройства и налогообложения. Значительная доля плодородных земель, сенокосов и выгонов оказалась в руках русского кулачества. Юридическое оформление землеустройства открывало возможность капиталистической концентрации земельной собственности в форме аренды и различных сделок на землю.

На занимаемой кумандинцами территории отсутствовала удобная земля под значительные запашки, поэтому уровень земледелия у них было крайне низким. Склоны окрестных холмов и гор в конце XIX – начале XX века были покрыты лесом. Выжигать большие лесные массивы под пашню, а затем очищать их и обрабатывать мотыгой, было непосильно мелким индивидуальным хозяйствам. В этих условиях земледелие у кумандинцев не являлось основным занятием, а только выполняло подсобную роль.

Это подтверждают многие исследователи Алтая. Например, начальник Алтайского округа В.П. Михайлов, посетивший Горный Алтай в 1910, отмечал следующий факт: «по Бии и выше в причерневом, черневом и, южнее, в высокогорном районах местная культура хлебных злаков имеет, как было сказано, совершенно ничтожное развитие».[10]

В конце XIX – начале XX века в связи с активным освоением края русскими крестьянами происходит быстрое уничтожение леса, что, в свою очередь, привело к исчезновению зверя. Этим самым была подорвана экономическая основа кумандинского хозяйства, в котором продукты охоты составляли одну из главных статей дохода. Уничтожение леса повлекло за собой и потерю охотничьих угодий - основного средства производства, без

---

[10] Отчет начальника Алтайского округа действительного Статского Советника В.П.Михайлова по ознакомлению с Горным Алтаем в лето 1910 года. Барнаул, 1910, с.41.

которого не могло существовать кумандинское хозяйство при крайне слабом развитии производительных сил.

Таким образом, с упадком и разорением хозяйств, исчезновением в лесах промыслового зверя, а также самих лесных угодий, низким развитием земледелия в хозяйственном укладе кумандинцев огромное значение приобретает собирательство корней съедобных диких растений, целебных трав, меда диких пчел и кедрового ореха.

До появления на Алтае русских продукты собирательства использовались кумандинцами в быту только для своих нужд. Их употребляли в пищу, ими лечились и использовали в домашнем производстве.

Благодаря колониальной политике царизма, и всех вытекающих из нее последствий, описанных выше, собирательство у кумандинцев в конце XIX – начале XX века трансформируется в промысел. Например, собирательство меда диких пчел – в пасечное пчеловодство, собирательство кедрового ореха – в кедровый промысел. Продуктами собирательства в хозяйственном быту кумандинцы стали пользоваться мало. Главной целью стали их сбыт скупщикам из числа кумандинских баев и русских купцов или реализация ее самостоятельно на рынке в г.Бийске и в с.Улалинском.

Деньги, полученные от продажи продуктов собирательства, шли на уплату налогов и приобретение всего самого необходимого для жизни.

Это подтверждают высказывания многих исследователей аборигенов Алтая в конце XIX – начале XX века (В.В. Радлов, П.С. Паллас, В.И. Вербицкий, Г.Н. Потанин, П.М. Юхнев, С.П. Швецов, Н.Б. Богатырев, Н.М. Ядринцев). Например, П.М. Юхнев утверждал, что «скотом кормится и одевается кочевник, а орехом уплачивает ясак, выполняет все обязательные расходы и повинности, приобретая все необходимое для жизни, бедняк же – даже предметы питания».[11]

---

[11] Горный Алтай и его население. Т. I, вып.II – й. Неземледельческие промыслы кочевников Бийского уезда. Составил П.М. Юхнев. Барнаул, 1903, с.50.

Таким образом, собирательство в хозяйственном укладе кумандинцев в конце XIX – начале XX века в век капитализма, развивающихся торгово-экономических отношений, занимало главное место и являлось одним из главнейших средств существования кумандинского народа.